

АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ

Моя Душа — Женщина

Фемининность в мире исламского мистицизма

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 28.1
ББК 86.38
Ш61

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Инвир Лазарев.

Шиммель, А.

Ш61 *Моя Душа — Женщина. Фемининность в мире исламского мистицизма.* — М.: Тотенбург, 2026. — 200 с.

Всемирно признанный ученый, посвятивший более пятидесяти лет своей жизни познанию исламского мира, Аннемари Шиммель разрушает стереотипы и реконструирует важную, но малоизвестную главу в истории исламской духовности: женский язык мистической традиции и роли святых матерей и незамужних женщин как проявлений Бога. На многочисленных примерах она показывает равенство женщин и мужчин в концепции Пророка Мухаммада. Эта работа написана легко и увлекательно, изобилует яркими текстами из арабской, турецкой, персидской и в особенности индо-мусульманской культур, которые показывают, как физическая любовь может стать выражением высших форм мистицизма.

**УДК 28.1
ББК 86.38**

© Инвир Лазарев,
перевод с английского, 2026
© Издательство «Тотенбург», 2026

Содержание

Сокращения.....	4
Об авторе	5
Предисловие.....	6
Введение.....	14
Глава 1. Пророк и женщины из его семьи и окружения	24
Глава 2. Женщины в суфизме.....	33
Глава 3. Женщины в Коране и в народной традиции	54
Глава 4. Женщина или «Божий человек»: воспитание души (<i>нафс</i>)	71
Глава 5. Старые женщины	84
Глава 6. Матери	92
Глава 7. Женщины как проявление Божественного.....	102
Глава 8. Невесты Бога	112
Глава 9. Душа как женский принцип в индо-пакистанской поэзии.....	124
Глава 10. Скитания Сассуи	149
Глава 11. Сохни и Механвал.....	168
Глава 12. Умар и Маруи.....	182
Послесловие	194

Сокращения

М — «Маснави» (Маснави-Йи Ма'Нави («Поэма о скрытом смысле»)), автор: Джелалуддин Руми (Руми Джалал Ад-Дин Мухаммад)

Д — «Диван-и Кебир» («Великий Диван» (собрание»)), автор: Джелалуддин Руми (Руми Джалал Ад-Дин Мухаммад)

Об авторе

Аннемари Шиммель (нем. *Annemarie Schimmel*, 7 апреля 1922 — 1926 января 2003) — ученый с мировым именем, чьи исследования в области литературы и культуры мусульманского Востока завоевали непрекаемый авторитет. Она получила свою первую докторскую степень в девятнадцать лет в Берлинском университете и уже с двадцати трех лет стала профессором религиоведения, работая в университетах Анкары, Бонна, Марбурга; с 1967 по 1992 г. читала лекции по индо-мусульманской культуре в Гарвардском университете.

Ей принадлежит более ста книг, статей и переводов; ее труды по суфизму стали классикой востоковедения. Она свободно владела основными европейскими языками и цитировала наизусть источники на арабском, персидском, турецком, урду и других языках Востока.

Широкое международное признание принесло ей множество почетных постов, званий, наград и титулов, в ее честь учреждены стипендии, в Лахоре есть улица, носящая ее имя.

Обладая энциклопедическими знаниями, Шиммель умела писать о серьезных научных проблемах в живой и занимательной манере. Она блестяще переводила на немецкий язык восточную поэзию. Профессор Аннемари Шиммель принадлежала к тем редким ученым, чьи заслуги признавал не только Запад, но и Восток.

Предисловие

Число книг, посвященных женщинам в исламе, стремительно растет: проводятся социологические исследования, изучаются медицинские аспекты, исследуются как положительные, так и отрицательные стороны концепции гарема. Все больше произведений посвящаются арабским и турецким женщинам-правительницам, не говоря уже о работах, касающихся вопросов сексуального характера и воспитания детей. Одним словом, тема «Женщины в исламе» сейчас в моде. Феминистки охотно пробуют свои силы в этой области, хотя зачастую без достаточных знаний исторических фактов и, что еще хуже, исламских языков и литературы. Впечатляющее исследование Вибке Вальтер «Женщины в исламе» по-прежнему служит прочной основой для современных исследований. Нельзя также обойти вниманием и вдохновляющую работу Сатико Мураты «Дао ислама» (*Sachiko Murata, The Tao of Islam: A Sourcebook on Gender Relationships in Islamic Thought*), в которой рассматриваются отношения полов в исламе с точки зрения ученого, обладающего глубокими познаниями как в сфере исламской юриспруденции, так и мистических учений. Цель написания моей книги далека от желания примкнуть к потоку феминистской критики. Мною движет скорее желание исследовать новый подход, который, я надеюсь, приведет к лучшему пониманию роли женщины в мире исламского мистицизма. В начале 1950-х годов профессор Фридрих Хайлер, выдающийся специалист по истории религии, регулярно проводил курсы и семинары, посвященные положению женщин в различных религиях. У меня была возможность тесно сотрудничать с ним, и,

таким образом, наши вдохновляющие дискуссии породили у меня многих новых идей. Отчасти под влиянием профессора Хайлера, а отчасти и по личным причинам я опубликовала ряд исследовательских статей о месте женщины в традиции суфиев в начале 1950-х годов. Эта тема впервые и весьма искусно представлена Маргарет Смит в ее классическом труде 1928 года «Рабия-мистик и ее соратники-святые в исламе» (*Margaret Smith, Rabiya the Mystic and her Fellow Saints in Islam*). Судьбы моих сестер в исламе не переставали меня волновать на протяжении многих лет — не только из-за литературной значимости этой темы, но и потому, что мне посчастливилось познакомиться со святыми и женщинами-лидерами мира исламского мистицизма. Мне довелось посетить могилы таких, зачастую легендарных, женщин в Турции, Индии и Пакистане. Одной из них, турецкой писательнице-мистике Самихе Айверди (1906–1993), я посвящаю эту книгу в знак благодарности; я в долгу перед ней за многие бесценные идеи и озарения.

Как только я начала этот проект, пришло понимание, как много мне предстоит сделать. Например, изучение роли женщин в исламской науке. Число женщин, занимающихся традиционными дисциплинами, то есть тех, кто активно участвует в передаче хадисов или преданий Пророка, огромно (даже если принятие такой передачи все еще определяется как «Ильм ар-риджалъ» (араб. **عِلْمُ الرَّجَالِ**, «наука о мужчинах»). Разве младшая жена Пророка, Аиша, не была источником многочисленных передач, особенно тех, которые касались личной жизни Мухаммада? Поскольку многие современницы Пророка расспрашивали его о богословских проблемах при его жизни, неудивительно, что в ряды известных исламских теологов последующих лет входили также и женщины, наряду с мужчинами. В персидском труде, написанном около 1600 года, описываются аргументы пяти женщин, полу-

чивших образование в области теологии, — это делается прежде всего для того, чтобы прояснить вопросы, касающиеся некоторых народных обычаев и идей, отвергнутых ортодоксальной религией. В своем исследовании «Женщины в исламских биографических собраниях» (*Women in Islamic Biographical Collections*) Рут Родед (*Ruth Roded*) показала, что относительно высокий процент женщин остается практически неизменным в биографических трудах, начиная с IX века вплоть до наших дней.

Другим важным источником знаний о женских судьбах в исламе являются *адабы* — назидательные руководства для молодых девушек, описывающие надлежащее поведение. Одно из таких произведений было написано княжной Бхопалой Шах Джахан-бегам во второй трети XIX столетия: «Тахзибу н-нисван ва тарбияту ль-инсан» («Облачение женщин и воспитание человечества»). В XX веке Ашраф Али Таханави создал обширное сочинение под названием «Бишти зевар» («Райские узоры»). Эта его книга долгие годы была неотъемлемой частью приданого индийских девушек — она учила их, как правильно вести себя в любых жизненных ситуациях, следуя строгим моральным и теологическим заповедям деобандийской школы. В это произведение включены рекомендации о том, как писать уважительные письма родителям, как избегать бесчисленных суеверных обычаев, которые смогли проникнуть в ислам, и как правильно стремиться к познанию истинной веры. Стоит также отметить информативную книгу Барбары Д. Меткалф «Совершенствуя женщин» (*Barbara D. Metcalf, Perfecting Women*), являющуюся прекрасным введением в идеалы, которых должна придерживаться хорошая мусульманка. Тем не менее труд Метклаф лучше изучать вместе с популярными романами, которые начали появляться в исламском мире к концу XIX века, поскольку они также были предназначены для назидания читательниц. Эти

произведения часто пропагандируют даже более прогрессивные идеи, чем адабы. Одним из ярких примеров литературного творчества индо-мусульманского региона является роман общественного деятеля Назира Ахмада «Мир'ату'л'арус» («Зеркало невесты»): его трудолюбивая героиня, помимо прочего, отличается тягой к благотворительности и милосердию, включая раздачу теплых одеял бедным зимой и распространение Корана при любой возможности. В традиции синдхов роман «Зинат» Мирзы Калич Бега (1892) идет еще дальше и описывает, как женщина, хорошо знающая классические дисциплины (арабский язык, немного истории и основы математики), предстает перед нами сведущей в том, как вести себя достойно и уместно в любой жизненной ситуации.

Однако чтобы в полной мере оценить проблемы, с которыми сталкивается мусульманка, следует проследить и ее литературную деятельность. Не составит большого труда собрать полную антологию стихов, написанных поэтессами, начиная с древних арабских плачей, которые женщины использовали в качестве траурных песен по своим умершим братьям (и которые до сих пор можно найти в современной арабской поэзии, включая такие произведения, как «Плач по брату» Фадвы Тукан). Далее следует любовная лирика, начиная от легкомысленных четверостиший поэтессы Мехсети до лирических песен персидских и турецких женщин. Кроме того, не стоит забывать о стихах, приписываемых принцессам и другим знатым дамам. Могольская принцесса Зебунниса (ум. 1689 г.) — особенно яркий пример, другие же можно найти в стихотворном трактате «Джавахир аль-аджаиб» («Удивительные драгоценные камни») Фахри Харави, написанном около 1560 года в Синде. Иными словами, такая антология показала бы, насколько активно мусульманки всех национальностей занимались и продолжают заниматься поэзией.

То же самое можно сказать и о женщинах-каллиграфах, чьи имена сохранились в драгоценных рукописных копиях Корана и других текстов. Также не стоит забывать и о мусульманках, участвующих в политической жизни. Жены и матери халифов принимали активное участие в общественной жизни, пусть и не вполне публично, особенно в областях, связанных с религией. Исследование Луи Массиньона, посвященное периоду около 900 года, служит весьма информативным введением в эту тему. Женщины-правительницы чаще всего появляются в приграничных районах исламского мира. Более того, арабский путешественник Ибн Баттута обнаружил мусульманскую царицу на Мальдивских островах; он также с некоторым неодобрением отмечает, что женщины среди туарегов Северной Африки пользовались беспрецедентной свободой. В турецкой традиции женщины правили беспрепятственно, и именно поэтому правитель делийского султаната, родившийся в Турции, Илтутмиш, смог сделать свою дочь Разию своей преемницей в 1236 году. Это произошло всего за несколько лет до того, как Шаджар ад-Дурр (Шаджарат-эль-Дор), бывшая рабыня, начала свое недолгое правление в Египте. Позднее женщины правящих классов Индии играли ведущую роль на политической арене не только в эпоху Моголов, но и в королевствах Декана. Особого внимания заслуживает королева-воительница (султана) Чанд Биби из Ахмаднагара, убитая собственными офицерами в 1600 году во время обороны своей столицы. Принцессы Дели и Агры, а также Голконды и Биджапура охотно покровительствовали архитектуре, каллиграфии и литературе. В конце концов, разве самая известная гробница в мире, Тадж-Махал, не была воздвигнута для мусульманской царицы Мумтаз-Махал, жены Шаха-Джахана, умершей в 1631 году при родах четырнадцатого ребенка? Не стоит забывать и

о выдающейся политической активности мусульманских женщин в войне за освобождение Индии до 1947 года!

Еще одним интересным проектом была бы попытка систематизировать различные способы изображения женщин в миниатюрной живописи, начиная с более абстрактных персидских произведений и заканчивая образами героинь персидского эпоса, вплоть до реалистичных портретов школы Моголов в Индии. Анализ их лиц и одежды стал бы весьма познавательным и ценным вкладом в исламоведение.

Также было бы небезынтересно изучить почетные титулы, по которым обращались к женщинам при дворах исламских владык. Руководства секретариата содержат четкие правила относительно того, какая форма обращения должна быть применена к даме, в зависимости от ранга, как именно следует адресовать ей письмо, а также другие важные аспекты протокола. Точные правила, относящиеся к периоду мамлюков в Египте (1250–1517), хорошо известны и могут быть найдены везде, где вели свою деятельность королевские канцелярии. К счастью, существует ряд работ на арабском, персидском, турецком и урду, содержащих более или менее подробные биографии знаменитых женщин. Однако, даже перечисляя все эти положительные аспекты, нельзя игнорировать тот факт, что положение женщины со временем ухудшилось. Правила утратили свою гибкость, укрепились негативные концепции относительно женственности. Кораническое утверждение (сура 2:228) о том, что «мужчины выше женщин», с годами трактовалось все в более негативном аспекте, в результате чего многие права, которыми изначально были наделены женщины, были ущемлены. Женщины, не умевшие читать и писать, часто оставались в неведении относительно их прав наследования, возможностей развода и подобных правовых вопросов. Чем дольше существовало мнение, что женщины не должны

уметь читать и писать, тем сильнее оно укреплялось, не смотря на то, что было хорошо известно, что, по крайней мере, одна из жен Пророка обладала такими навыками. И все же этот вопрос продолжает обсуждаться вплоть до наших дней в форме *фетв*, или «юридических заключений или решений». Народная литература изобилует историями о женской хитрости. Однако одного этого факта едва ли достаточно для обоснования приписываемого именно мусульманам отношения к женщинам, основанного на подобных историях, поскольку они не являются чем-то новым и в западной традиции. Более серьезного внимания заслуживают попытки теологов определить, благословлены ли женщины в раю *visio beatifica*, блаженным видением Бога¹ (этот вопрос неизменно вызывал трудности у богословов различных традиций). Да и могут ли они вообще войти в рай, учитывая, что, согласно одному из изречений, приписываемых Пророку, женщины составляют большинство обитателей ада? Другое высказывание, приписываемое Пророку, противоречит этому негативному взгляду: однажды почтенная старушка с тревогой спросила его, могут ли такие жалкие создания, как она, войти в рай. Мухаммад ответил «нет», но добавил с улыбкой: «ибо все они превратятся в прекрасных девственниц»².

Не менее важно отметить и то, что идеалом в мусульманском обществе является замужняя женщина и, что еще важнее, мать. Одно из наиболее часто цитируемых высказываний Пророка выражает это следующим образом: «Если бы я мог приказать кому-то совершить

---

¹ Блаженное видение — это непосредственное и ясное познание Бога ангелами и душами умерших праведников. — *Прим. пер.*

² В исламской традиции говорится, что праведные женщины, верно служившие Аллаху, превратятся в самых красивых женщин, превосходящих райских гурий («Мы сотворим их заново и сделаем их девственницами (каждый раз, когда они будут с мужьями, они будут девственницами и не будет боли), любящими и равными по возрасту» (смысл 35–36–37 аятов суры «аль-Вакиа», тафсир аль-Джалалайни). — *Прим. пер.*

земной поклон перед кем-либо [помимо Аллаха], то я бы приказал женщине пасть ниц перед мужем своим»³. Это, конечно, не похоже на равноправие, но разве в Библии не сказано также: «он будет господствовать [обладать] над тобою» (Бытие 3. 16).

Несмотря на все вышеперечисленное, есть одна область, в которой женщина действительно пользуется полным равноправием, и это область мистицизма, даже если идеальную женщину по-прежнему именуют «Божьим человеком». Восхищение благочестивыми, учеными и богобоязненными женщинами — неотъемлемая часть всей истории ислама, и именно к ним обращено внимание в моем исследовании — будь то женщины как реальные исторические личности или как символы человеческой души, стремящейся к Богу.

За советы, поддержку и вдохновение, которые привели к появлению идей, лежащих в основе этой книги, я безмерно благодарна моему коллеге и соратнику в Гарварде, профессору Али С. Асани, чьи исследования женского аспекта души в религиозной литературе исмаилитов открыли совершенно новую область научных изысканий. С ним, а также с профессором Сатико Мурата из Университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук я часто обсуждала проблему полярности и важность женского начала в исламе. Доктор Доротея Дуда неустанно добивалась приобретения прав на иллюстрации, представленные в этой работе. Наконец я также выражаю благодарность теологу Антону Кеннтемиху за интересные ссылки. Он скончался, не дождавись окончания перевода моей книги.

Аннемари Шиммель.

День поминовения всех усопших верных, 1994 г.

---

³ Цитируется по книге Аннемари Шиммель «И Мухаммад — Его посланник: почитание Пророка в исламском благочестии», стр. 279, прим. 39 (Annemarie Schimmel, *And Muhammad is His Messenger: The Veneration of the Prophet in Islamic Piety* (Chapel Hill, N.C., 1985)).

Введение

*«И моя душа — женщина перед Тобой;
Моя душа перед Тобой как Руфь.
Снохою Нозмини Ты бы мог
признать ее...»*

Такими словами Райнер Рильке воспеваает душу в своем «Часослове». Этот образ очень знаком западному христианскому читателю: любящая молодая женщина, дева (как Руфь), смиренно предлагающая свою любовь, или та, которая (как Суламифь в Песне Песней) горько оплакивает разлуку с возлюбленным, или все те бесчисленные женщины, которые считали себя «служанками Господа» и безоговорочно принимали все Его повеления. Христианский мир знает немало женщин-мистиков и гордится своими пылкими певицами Божьей *minne* («любви»), среди которых — северогерманская Мехтильда Магдебургская. Европа также знает женщин, страстно стремившихся постичь тайну рождения и заботы о Младенце Христе в своей жизни, как Маргарете Эбнер⁴, а также женщин, которые служили Богу с абсолютной преданностью и живым примером, подобно Терезе Авильской, очаровывали других святым пылом своего набожного сердца. Были и другие, такие как Екатерина Сиенская или Биргитта Шведская, которые использовали дарованные Богом силы для вмешательства в политические события. Иными словами, тема боголюбивой души («души-невесты», как назвал ее Петер Хилле в своей одноименной светской поэме XIX века) была и остается очень по-

---

⁴ Доминиканская монахиня Маргарета Эбнер (XIV в.) брала с собой в постель и прижимала к обнаженной груди куколку младенца Христа. — *Прим. пер.*

пулярной на Западе, и взгляд на Песнь Песней, особенно в интерпретации Бернара Клервоского, придает этим концепциям особый вес.

Но как бы мусульманин отреагировал на стихи Рильке, изображающие душу в образе женщины, — смиренной и любящей? На самом деле, к удивлению и, возможно, ужасу всех, кто видит в исламе исключительно патриархальную (мужскую) религию, наш гипотетический мусульманин высоко оценил бы поэтический образ Рильке. Более того, если бы такой последователь Пророка Мухаммада был хотя бы немного знаком с литературой на исламских языках, эти строки немедленно вызвали бы у него поток ассоциаций. Во-первых, ислам знает, что жизнь невозможна без полярности мужчины и женщины (ян и инь, как называет это Сатико Мурата в своей книге «Дао ислама»). Во-вторых, когда Коран (сура 2:187) говорит мужчине: «Ваши жены — одеяние для вас, а вы — одеяние для них», феноменология религии интерпретирует это так, что одно начало всегда является альтер эго другого, просто потому, что одеяние (будучи частью или аспектом человека) часто используется *pars pro toto* (лат. «часть вместо целого») для представления личности в целом. Кроме того, суфизм, мистическое течение ислама, насквозь пронизан женскими элементами. Несомненно, образы, используемые преимущественно арабскими суфиями, построены по образцу классической любви к недостижимой женщине. Существует также бесчисленное множество персидских стихов, повествующих о восхищении юношей неземной красоты, *саки*, «чашником» или «кравчим» (отсылка к христианским юношам или юным зороастрийцам). Речь здесь, конечно, идет о платонической любви, но насколько сильно она влияет на формирование образа суфизма, по крайней мере в персидском мире, ясно показано в обширном труде Хельмута Риттера «Океан души» (*Das Meer der Seele*). Любовь могущест-

венного царя Махмуда Газневи (правившего с 999 по 1030 г.) к Аязу, своему воину-рабу, показывает, как привязанность может превратить даже царя в «раба своего раба». Эта тема встречается в многочисленных вариациях во всех литературных жанрах.

В биографиях суфиев перечисляются сотни «людей Божьих». Достаточно вспомнить агиографические труды Сулями и Абу Нуайма — все они были составлены вскоре после 1000 года и послужили образцами для более поздних персидских авторов. В этом контексте следует также упомянуть «Тазкират ал-аулийа», или «Рассказы о святых» Аттара, — это произведение датируется концом XII века. Триста лет спустя Джами (ум. 1492 г.) создал «Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс», «Дуновения дружеской близости из чертогов Святости» (фактически расширенная версия первых персидских «Житий святых» Абдуллы-и Ансари — ум. 1089 г.). Эти произведения послужили образцами для более поздних жизнеописаний святых, многие из которых часто превращались в простые легенды. К этому списку можно добавить множество более поздних индийских и турецких трудов, однако в них содержится всего нескольких имен известных женщин-мистиков. К сожалению, книга Сулями (ум. 1021 г.) о благочестивых женщинах утеряна.

Двумя выдающимися фигурами в истории суфизма были андалузец Ибн ‘Араби (1165–1240) и Маулана Джалал-ад-Дин Руми (1207–1273), родом из турецко-персидского региона, расположенного к северу от современного Афганистана, но проведший большую часть своей жизни в анатолийской Конье. Оба они относились к женскому началу весьма специфично, иногда представляя его в противоречивых образах. Однако же как классические, так и мистические труды охотно признают, что центральной фигурой в ранней истории суфизма была женщина по имени Рабия аль-Адавийя. Предание гласит,

что именно она первой внесла элемент абсолютной любви к Богу в строго аскетический суфизм VIII века. Она заслуживает своего почетного места в истории исламской традиции мистической любви. Именно о Рабийе говорили: «Когда женщина идет путем Бога, ее нельзя назвать "женщиной"». Традиция не устает напоминать нам, что такая женщина — это «мужчина», и использование слова «мужчина» («раджул» по-арабски, «мард» по-персидски, «эр» по-турецки) представляет собой дополнительную трудность в понимании роли женщин в теории и практике исламского мистицизма. Существительное «мужчина» (т. е. «человек») может быть использовано для обозначения любой персоны, искренне стремящейся к Богу, без прямого указания на биологический пол. Когда синдхский суфийской поэт XVIII века Шах Абдул Латиф воспевает свою героиню, смело вступающую на путь к Возлюбленному, не обращая внимания на трудности и страдания, сопутствующие этому путешествию, он называет ее «мужественной».

Отождествление женщины с душой (женой-душой) играет важную роль в литературе суфиев. Нафс, «душа» или «я», — существительное женского рода, которое встречается в Коране трижды в трех определенных значениях: один раз как «душа, побуждающая к злу» (сура 12:53), один раз как «душа, обвиняющая» или «исполненная (само) укора» (сура 75:2) и один раз как «душа, умиротворенная» (сура 89:27–28). И все же нафс обычно сравнивают с женщиной, которая, по мнению аскетов, «побуждает к злу». В определенной степени женский нафс в этой роли можно рассматривать как зеркальное отражение земного, светского «мира» (*дунья*, также существительное женского рода): мусульманские авторы писали о «Госпоже Мира», соблазняющей и поглощающей мужчин и детей, в выражениях, почти столь же нелестных, как и христианские богословы в Средние века.

В этом случае «Владычица Мира» стремится отвлечь мужчину от его интеллектуальных или религиозных устремлений, что является лишь еще одним проявлением типично аскетического мужского страха перед властью женщины. Тем не менее трехуровневая природа нафса, на которую намекает Коран, дала основу для более высокой оценки потенциала развития женщины. Даже такой поэт-мистик, как Санаи (ум. 1131 г.), не слишком благосклонно относившийся к женщинам, пишет следующее: «Праведная жена лучше тысячи не совершающих благодеяния мужчин». Его неприкрытый мизогинный настрой ярко проявлен в комментарии названия созвездия Большой Медведицы (арабское *банат ан-на 'и*, «Дочери [похоронных] носилок»). По мнению Санаи, дочери лучше на похоронных носилках, чем живые.

Разумеется, ислам не является религией, открыто враждебной по отношению к женщинам, ведь одно из самых цитируемых высказываний, приписываемых Пророку Мухаммаду, гласит: «Бог сделал для меня дорогими из вашего мира женщин и благоухание, и радость моих глаз — в молитве»⁵. Женщины приятно пахнут: «хороший» (*тайиб*) и «аромат» (*тиб*) оба происходят от одного арабского корня. Мы также должны помнить, что первая жена Пророка, Хадиджа (ум. 619 г.), с которой он прожил в моногамном союзе двадцать пять лет, поддерживала и утешала его во время беспрецедентного духовного потрясения, вызванного первыми откровениями Божественного. Ее младшая дочь, Фатима, мать двух внуков Пророка, Хасана и Хусейна, оба принявших мученическую смерть за веру, является высочайшим и благороднейшим образом женщины в шиитской традиции.

---

⁵ См. Аннемари Шimmel «И Мухаммад — Его посланник: почитание Пророка в исламском благочестии», стр. 51 (Annemarie Schimmel, *And Muhammad is His Messenger: The Veneration of the Prophet in Islamic Piety* (Chapel Hill, N.C., 1985).

Фигура матери имеет центральное значение в исламе. Богословами особо обращается внимание на то, что слово *рахма*, «милосердие», происходит от того же арабского корня, что и *рахим*, «чрево»; поэтому вполне допустимо говорить о «материнской любви» Творца в самом широком смысле. «Рай лежит под ногами матерей», — сказал Пророк, — и мать заслуживает непрестанной заботы и поддержки своих детей». Таким же образом, душа также может быть представлена как материнское начало. Кроме того, в мистико-теософских течениях ислама каждое продуктивное действие можно рассматривать как «брак». Например, когда соединяются железо и кремь, из «союза» этих двух компонентов возникает нечто высшее — огонь. Только когда мужское и женское начала взаимодействуют и функционируют вместе в согласии, жизнь может подняться на более высокую ступень, подобно тому, как твердое мужское начало «страх» и мягкое женское начало «надежда» «приводят к рождению истинной веры», как выразился персидский богослов раннего суфизма Сахль ат-Тустари (ум. 896 г.). Интеллект, янское начало, и восприимчивая душа иньской природы неразрывно связаны, как анализ и синтез или как «наука и любовь» (отсылка к названию знаменитой персидской поэмы Икбала).

Но есть ли в исламском мистицизме что-то, что можно напрямую сопоставить со стихом Рильке, приведенным в начале этой главы? Выступают ли женщины в образе тоскующей души, выражающей любящую преданность на своем собственном языке? Ответ — да, поскольку они фактически берут на себя эту роль, и пристальное изучение данных, содержащихся в мистической литературе, показывает весьма интересное развитие этой темы.

В Коране женщины упоминаются редко. Именно народные легенды, возникшие вокруг личности Пророка, впервые изобразили Еву как искусительницу, поскольку

сам Коран даже не упоминает ее роль в грехопадении. В исламе нет концепции первородного греха, передаваемого согласно биологическому полу. Безымянные женские образы, безусловно, присутствуют в Коране, но только одна женская фигура названа своим настоящим именем — Мария, или Мариам, девственная мать Иисуса, последнего пророка до Мухаммада. Почитаемая мусульманами и особенно мистиками всего мира, Дева-Мать здесь, как и в христианстве, является истинной служанкой Господа. Сура 19:25 рассказывает о том, как в муках родов она ухватилась за засохшую пальму, которая тут же осыпала ее сладкими финиками. Тема женственности получила последующее важное литературное развитие в безымянном женском персонаже, известном нам по Ветхому Завету. В арабо-мусульманских сказаниях и исламской поэзии эта женщина носит имя Зулейха (Сулейка), жена Потифара, которая изо всех сил старается соблазнить Иосифа (Юсуфа). Бесчисленные поэты обращались к ней как к символу нафса, и само собой разумеется, что этот нафс очищается безграничной любовью и проистекающей из нее бездонной скорбью и наконец соединяется с Юсуфом. В конце пути неутомимо ищущая, невыразимо страдающая, любящая женщина находит несравненную красоту, которую она так горячо искала, проявленную в Юсуфе. В этом свете предание о Юсуфе и Зулейхе предстает историей души, страстно стремящейся к источнику всей красоты — к Богу и многие ищущие (как мужчины, так и женщины) отождествляют себя с Зулейхой.

В классической мистической поэзии царица Савская (Шева, в народной традиции — Билкис), упомянутая в суре 27, отступает на задний план, и Мария берет на себя собственную функцию, а именно — прекрасного бутона, который раскрывается в благоухающий цветок под названием «Иисус». Однако в творчестве величайшего мистического поэта ислама, Мауланы Руми, все три

женщины предстают как символы любящей души. Предшественник Руми, величайший теософ исламского средневековья (в классическом смысле) Ибн ‘Араби писал в своем масштабном труде «Футухат аль-маккийя» («Мекканские откровения») о том, что для женщин не закрыты врата высочайшего мистического опыта. Он также обратил внимание на тот факт, что не только отрицательно нагруженное слово *нафс* было женского рода, но и слово *зат*, «сущность, природа, источник», которым у суфиев описывался Единый Сущий Бог или Абсолют. Это доказывает, что в Боге ислама заключены как творческое мужское, так и восприимчивое женское начало, и без «женского зеркала» сотворенной вселенной Бог не смог бы созерцать Свою красоту. Ибн ‘Араби так сильно подчеркивал центральную роль женского начала в мире, что современные мусульманские критики обвиняли его в склонности к «парасексуальному символизму». Тем не менее его убеждение в неразрывной связи женского начала с мужским («разве Ева не была частью Адама?») продолжало оказывать влияние на исламское богословие еще очень долгое время.

Образ «души как невесты» наиболее четко выражен в мистической традиции индо-пакистанского региона. Однако было бы упрощением видеть в этом лишь автоматическое заимствование идеи *вирахини* (женщины, страстно тоскующей из-за отделения от Возлюбленного, т. е. Бога) столь важной для индийской традиции, и особенно для мистицизма бхакти. Индийская традиция гласит, что только женщины способны по-настоящему испытать *прему*, «неудовлетворенную любовь», и *вираху*, «тоску», — когда любимый, жених или муж находятся далеко, они испытывают невыразимую боль разлуки. Индийская поэтическая форма Барахмаса («Поэма о двенадцати месяцах»), в которой человеческие настроения изменяются подобно настроениям природы в тече-

ние смены сезонов, выразительно описывает чувства тоскующей женщины в течение года. Подобные мотивы можно найти в сагах и легендах долины Инда и Пенджаба. В литературе синдхи и пенджаби главный персонаж всегда женщина, — она ищет возлюбленного и, наконец, соединяется с ним в смерти, преодолев бесконечные испытания и невзгоды. Героиня остается верной своему изначальному избраннику, даже в самых тяжелых обстоятельствах. Женщины, обладающие столь выдающимся мужеством, идеально подходят для того, чтобы олицетворять собой суть человеческой души. Будь то Сассуи, молодая женщина, сожалеющая о своей беспечности и скитающаяся по раскаленной пустыне, пока в конце своего пути не преобразится в чистую любовь, или Маруи, юная девушка, похищенная могущественным властителем, но проводившая все свое время, думая о родине и тоскуя по ней в золотой клетке богато украшенного дворца, подобно тому, как тростниковая свирель тоскует по родному берегу, — независимо от личности, в этих женских душах индо-пакистанских саг отражается человеческий опыт и идеи мистических традиций. Та же идея встречается и в религиозной литературе исмаилитов, в их духовных гимнах (гинанах). Со временем в этих мотивах появились изменения — в более поздних традициях возжеланным возлюбленным иногда становится Пророк или имам. Любовные стихи, даже свадебные песни, могут быть посвящены возлюбленному Пророку Мухаммаду или, как в исмаилитской литературе, даже хазиру-имаму (Агахану), духовному лидеру общины. Во всех этих произведениях основная схема остается неизменной: душа, представленная в образе женщины и олицетворенная ею, блуждает по узкому и трудному пути, ведущему к ее возлюбленному. Поэты иногда даже доходят до того, что сами принимают женский облик. Они зовут своих «подруг», они наблюдают за ними, прядущими во дворе. Более того,

даже благочестивые дервиши иногда переодевались в женщин, чтобы обрести вид «рабыни Бога».

«Мои святые под моими куполами» — внекораническое высказывание, приписываемое Богу и хорошо знакомое исламским мистикам. Баязиду Бистами (ум. 874 г.) приписывают известную интерпретацию этого высказывания, отсылающего к ритуальной изоляции женщин, к которым допускались только самые близкие родственники: «Святые — невесты Бога».